

Едва Юй Лань замолчал, над школьной площадкой повисла тишина.

Чжоу Мянью не произнёс ни слова. Несколько секунд они просто смотрели друг другу в глаза.

Юй Лань выгнул бровь и, перешагнув через ступеньку длинной ногой, собрался было пройти мимо него на трибуну.

— Юй Лань, — тихо окликнул его Чжоу Мянью.

Юй Лань замер.

Чжоу Мянью мельком взглянул на него, опустил глаза и, взявшись за край его школьной олимпийки, соединил бегунок с замком молнии. Раздался лёгкий щелчок.

У Чжоу Мянью были красивые руки: бледные, длиннопалые, с точёными суставами. На солнце под кожей просвечивали тонкие голубоватые венки. Глядя на такие пальцы, невольно ловишь себя на нескромных мыслях.

Молнией на олимпийке Юй Лань почти не пользовался, так что замочек мягко скользнул вверх до самой ключицы. Чжоу Мянью аккуратно отогнул воротник, поправил складку, и его пальцы случайно задели шею Юй Ланя. На миг он едва заметно замешкался, но тут же убрал руку. Завершив этот ритуал, Председатель снова взглянул на него и, не проронив больше ни слова, повернулся и пошёл к школьному стадиону.

Юй Лань так и остался стоять с опешившим видом, провожая его взглядом.

Он проторчал у подножия трибуны слишком долго, и ученики на линейке начали перешёптываться:

— А где Юй Лань? Где наш кумир? Почему не поднимается?

Только спустя пару секунд Юй Лань выдохнул негромкое «бред какой-то», смущённо потёр вспыхнувшую шею и в два прыжка взлетел по ступеням.

В лучах утреннего июльского солнца Юй Лань чуть искривил губы в улыбке и вальяжно произнёс в микрофон:

— Всем привет. Я Юй Лань из пятнадцатого класса второго года обучения.

Ни дать ни взять — звезда на сольном концерте, а вовсе не провинившийся ученик, вылезший зачитывать публичное раскаяние.

Толпа внизу взорвалась аплодисментами.

Овации стояли такие же бурливые, как пару минут назад у председателя студсовета.

Классрук из соседнего ряда вздохнул:

— Ну и фрукт этот ваш Юй Лань...

Их собственный классный руководитель ответил с каменным лицом человека, познавшего дзен:

— Скажи спасибо, что он не выдал с трибуны: «Вины не признаю, в следующий раз сделаю так же». Я уже за одно это готов благодарить судьбу.

И это была не шутка. На первом году обучения Юй Ланя впервые заставили читать публичное раскаяние. Он неспешно прочёл четыре листа текста, а в конце, перед всей школой, невозмутимо выдал:

«Подводя итог: всё списано. Я ни в чём не виноват, в следующий раз сделаю то же самое».

Эта фраза мгновенно вознесла его на вершину школьного Олимпа, сделав главной легендой Цзянцзиня. Поговаривали, что у директора чуть не случился гипертонический криз — тот орал, что выгонит мерзавца, накажет по всей строгости и сделает из него наглядное пособие.

Впрочем, дело как-то умяли. За ту выходку Юй Ланю пришлось накатать от руки десять тысяч слов раскаяния. Этот опус распечатали и раздали по всем классам как назидание, после чего парень умерил пыл. Но легенда осталась.

Чжоу Мянью тем временем вернулся к своему классу и встал во главе строя, рядом с классным руководителем. Юй Лань перехватил его взгляд с трибуны и натянуто улыбнулся — с откровенной, нескрываемой дерзостью.

Развернув листок с текстом, он заговорил без малейшей спешки. Голос у него был приятный: с характерной хрипловатой ленцой, но по-юношески звонкий.

— Благодарю председателя Чжоу за заботу и внимание, благодаря которым я имею честь стоять здесь сегодня. Итак, моё раскаяние...

Юй Лань спустился под шквал аплодисментов. Линейка подошла к концу, и ученики начали кучками расходиться по кабинетам. У Юй Ланя с утра стояла спортивная тренировка, так что в учебный корпус он не пошёл, направившись напрямик к стадиону.

— Ученик... Юй...

Перед ним образовался симпатичный, смущённый омега.

Юй Лань прекрасно понял, к чему идёт дело. Он чуть вскинул брови и улыбнулся — легко, с неотразимым обаянием настоящего искуителя.

Омега моментально вспыхнул до самых кончиков ушей. Сжимая в руках надушенный конверт, он заговорил, запинаясь от волнения:

— Я... я хотел...

Договорить ему не удалось. Взгляд омеги скользнул за плечо Юй Ланя, глаза расширились, румянец стал ещё гуще, и парень, низко наклонив голову, бросился наутёк.

Юй Лань даже не оборачивался, чтобы понять, кто стоит у него за спиной.

Повернувшись, он сперва увидел чёрные кроссовки, а подняв взгляд — самого Чжоу Мяня. Тот уже снял строгий костюм и переоделся в просторную синюю школьную олимпийку, которая придавала ему утончённый, интеллигентный вид.

— Всю малину мне испортил, — Юй Лань засунул руки в карманы и с полуулыбкой приподнял веки. — Как председатель намеревается компенсировать мне сорванное свидание?

Обычно при встрече Юй Лань не упускал случая съязвить. Чай, не на контроле стоит — умолять не вычитать баллы уже не надо.

Чжоу Мянь остался абсолютно равнодушен.

— У тебя и так минус тринадцать баллов, — сухо констатировал он.

Юй Лань поперхнулся своей вальяжностью.

В Цзянцзине за ранние романы карали беспощадно: минимум минус два балла за один проступок. С его тринадцатью штрафными, если бы он действительно вскружил голову какому-нибудь омеге и попался Чжоу Мяню, его мгновенно отправят на «строгий контроль с предупреждением об исключении».

Юй Лань злобно стиснул зубы, мысленно обозвал председателя «крашеной мумией» и без лишних слов пошёл прочь.

У спринтеров с утра стояла полноценная тренировка. Сначала разминка, потом четыре круга по стадиону, прыжки по ступеням трибун и отработка стартового ускорения.

Солнце палило вовсю. Юй Лань слегка взмок, олимпийка на спине прилипла к телу, и в воздухе прорезался едва уловимый запах альфа-феромонов.

Он походил на аромат выдержанного крепкого алкоголя: в момент, когда бочку раскупоривают, наружу вырывается первая нота — сладкая, терпкая, обжигающая. Настоящий соблазн, от которого у слабовольных омег подкашивались колени.

Впрочем, Юй Лань не имел привычки разбрасываться феромонами. На перерыве он сбрызнул одежду блокатором, накинул сверху куртку и уселся на ступеньку с бутылкой воды.

По его белоснежной коже стекали капли пота. Как бы интенсивно парень ни тренировался на солнцепёке, загар к нему совершенно не лип — кожа оставалась бледной, почти прозрачной.

К нему подсел Юань Ци, товарищ по секции спринта. Посмотрев на Юй Ланя, он вдруг искренне изумился:

— Слушай, прямо удивительно, как ты до сих пор не загремел на трибуну за любовные похождения.

С самого поступления список грехов Юй Ланя был длиннее расписания уроков. Единственным пунктом, где числился прочерк, оставались «ранние отношения».

Юй Лань всегда держался особняком, и ни один омега не мог привлечь его внимания.

Юй Лань прищурился и лениво спросил:

— А на кой мне эти отношения?

Юань Ци окинул взглядом его породистое, резкое лицо:

— Да потому что ты выглядишь как типичный альфа-абьюзер, которому только дай чужие чувства растоптать.

Юй Лань:

—...

Юань Ци отпил из бутылки, перевёл дыхание и усмехнулся:

— Я серьёзно. Выложи ты сейчас на школьном форуме объявление о поиске пары — да у нас половина омег в очереди встанет, лишь бы ты их укусил.

Юй Лань изогнул бровь, цепляясь за подтекст:

— А вторая половина?

— А вторая половина сохнет по председателю Чжоу, понятное дело, — ляпнул Юань Ци, не думая.

При упоминании этого имени у Юй Ланя снова нервно дёрнулся глаз. В памяти вспыхнули и злосчастные минус тринадцать баллов, и дурацкая молния на куртке.

Заметив, как изменился в лице Юй Лань, Юань Ци вспомнил об их давней вражде и спешно сменил тему:

— Хочешь, я тебя завтра с девчонками с музыкального отделения познакомлю? Красавицы как на подбор: стройные, длинноногие... Кстати, их первая красавица по тебе прямо сохнет.

Юй Лань сдержанно улыбнулся. В уголке его глаза залегла тонкая морщинка, придавшая лицу хищное, холодное выражение. Глядя на серебристый металлический забор у края поля, он небрежно роздал:

— Завязывай. Мне омеги не нравятся.

Это не было отговоркой. Юй Лань действительно не любил омег — хрупких, нежных, словно вьюнки, готовых сломаться от любого неосторожного касания. Ему не нравилась эта болезненная ломкость.

— Ну давай с бетой сведу? — не сдавался Юань Ци. — В третьем классе есть отличный бета, за ним полшколы альф бегают.

— Посмотрим.

Юй Лань пока не думал, с кем свяжет жизнь, да и в ближайшее время завозить романтику не

планировал. Впрочем, к бетам он относился куда спокойнее, чем к омегам.

— Эх, а ведь мягкий, вкусно пахнувший омега — это же мечта, обнимать одно удовольствие, — вздохнул Юань Ци. — Мне бы хоть одного найти...

Юй Лань ухмыльнулся и бросил невзначай:

— А я люблю подтверже.

У класса Чжоу Мянэ до полудня тоже стоял урок физкультуры.

Учитель пробежал с ними два круга для разминки, а затем остановил строй:

— Чжоу Мянэ, держи ключи от инвентарной. Возьми пару ребят, принесите баскетбольные мячи, поиграем пол-урока.

Парни радостно загудели. Чжоу Мянэ взял ключи и вместе с двумя одноклассниками направился к техническому корпусу.

По дороге один из ребят указал рукой:

— О, смотри, это же Юй Лань!

Чжоу Мянэ на секунду запнулся, повернул голову к южному краю стадиона и зафиксировал взгляд на знакомой фигуре.

Спортивная секция тренировалась на соседней площадке. Юй Лань стоял спиной к Чжоу Мянэ и легко, словно ветер, перепрыгивал через ступеньку трибуны.

Издали его силуэт казался слишком поджарым для альфы. Никакой горы мускулов — плечи чуть уже, чем у большинства альф, тонкая талия, длинные ноги. Простая сухая фигура высокого парня. Но в этом тонком теле чувствовалась колоссальная, готовящаяся к взрыву сила.

На фоне этих спортивных нагрузок отличники из класса Чжоу Мянэ выглядели бледными молями: вся их физическая активность ограничивалась зарядкой, походами в туалет да в столовую, а восемьсот метров для них были сущим адом.

Говоривший альфа проводил Юй Ланя завистливым взглядом, но, обнаружив, что Чжоу Мянэ

ушёл далеко вперёд, поспешил за ним.

Чжоу Мянью приподнял навесной замок, вставил ключ, отпёр дверь и положил замок на подоконник.

— Лань-гэ!

— Прихвати нам мяч, а?!

Издали донёсся крик. Юй Лань повернулся на голос:

— Чего вам?

— Тренер вызывает!

Кричали стайеры из секции бега. Они тайком собрались погонять мяч, но их засек тренер, и теперь парней ждал нагоняй.

Юй Лань усмехнулся:

— Ладно.

Смахнув пот со лба, он подошёл к площадке, подхватил лежавший в углу баскетбольный мяч, бросил его в сетку и пошагал к инвентарной.

Переступая порог, Юй Лань вдохнул воздух и вдруг уловил едва заметный, ускользающий аромат.

Описать его было трудно: тонкий, изысканный, без агрессивного давления, присущего альфам, и без приторной сладости омежких феромонов. Но почему-то этот запах мгновенно и безоговорочно запал Юй Ланю в душу.

Он накренил голову и потянул носом, пытаясь определить источник.

Сделав пару шагов к двери, Юй Лань опустил взгляд. На металле дверного косяка блеснул серебристый отблеск.

Парень слегка наклонился, прищурился и принялся ближе.

Кажется... пахло от навесного замка.

<http://bllate.org/book/19921/1989715>